

УДК 81'42:008

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-55-62

Щемелинина И.Н.*Московский государственный областной университет***КОНЦЕПТ БОГ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА «О РОССИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»**

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ концепта БОГ по данным текста сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Рассмотренный феномен воплотил в своей семантике основные ценностные ориентиры, в основе которых лежат ключевые духовные категории системы мироощущения, духовной культуры народа, регулирующие христианскую сферу жизни общества эпохи XVII века. Кроме того, Бог в языковой картине мира эпохи царствования Алексея Михайловича осмысливается как идеальная сущность, Высшая сила, дающая опору, центр духовной жизни православного государства.

Ключевые слова: Г. Котошихин, концепт БОГ, сема, лингвокультурология, концептосфера.

I. Shchemelinina*Moscow State Regional University***THE CONCEPT OF GOD IN THE BOOK BY G. KOTOSHIKHIN
«ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH»**

Abstract. This article presents the analysis of the concept of GOD according to the essay G. Kotoshikhin «On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich». The studied phenomenon embodied in its semantics the main values, which are based on key spiritual categories of the system of world perception, on spiritual culture of the nation governing Christian area of society of the 17th century. Moreover, God in the language picture of the world in the era of the reign of Alexei Mikhailovich is interpreted as the ideal entity, Supreme power, that gives support, the center of spiritual life of the Orthodox state.

Keywords: G. Kotoshikhin, the concept of GOD, seme, cultural linguistics, conceptual sphere.

При исследовании текста сочинения Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», созданного в Швеции, в Стокгольме, в 1666 – 1667 гг., по приказу Шведского правительства, которому необходимы были сведения о Российском государстве, сбежавшим за границу, по существу предавшим своё отечество подьячим Польского приказа Г. Котошихиным, обращает на себя внимание значимость слова *Бог*, представляющего концепт *БОГ* в русской языковой картине мира эпохи царствования Алексея Михайловича. Концепт обусловлен не только эксплицитным, но и имплицитным отражением христианского мироощущения автора и пониманием им окружающей действительности, попыткой

дать по возможности адекватную оценку жизни в период правления царя Алексея Михайловича.

Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [5, с. 91]. По нашему мнению, ценностная сторона культурного концепта определяется прежде всего важностью духовной жизни общества.

Крещёный человек, осваивая в объёме национальной концептосферы зону «Религия», в процессе развития и духовного роста вбирает в себя, обретая веру, что «в начале Бог сотворил небо и землю», а впоследствии по его небесному / невидимому нам образу и подобию были сотворены и небо, и земля, и люди, поэтому духовный, вещественный, земной мир едины в Боге как в Творце. Более того, образ Бога в мировоззрении людей неоднозначно воспринимается представителями той или иной эпохи. По мыслям Аристотеля, Бог есть «вечная и невозникшая причина мирового процесса, как причина всех происходящих в мире движений – перводвигатель мира» [2, с. 21].

Лингвокультурологический аспект лексической единицы *Бог*, как основного репрезентанта важнейшего концепта рассматриваемой зоны концептосферы, преодолевая и текучесть, и скоротечность временного потока, несомненно, оказал и окажет влияние на сознание живущих в XXI столетии, ибо если во все времена христианин почитал и почитает Господа, убажывает его, то Бог, который заботится о человеке, опекает, оберегает, хранит его и покровительствует ему. И если кто из

здравствующих захочет получить помощь от Бога, тот «не оставляй ничего, зависящего от тебя самого. Подлинно, кто отрешился от всего человеческого и предался надежде на помощь свыше, тот не только получает скорое избавление от бедствий, но и среди самих бедствий не колеблется и не смущается, одобряемый надеждою на этот якорь. ... Безопасность, происходящая от надежды на Бога, гораздо надежнее самой власти во время бедствий, потому что последняя есть человеческая, а первая – Божественная и непреодолимая» [11, с. 20].

Бог в «книжно-церковной традиции верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством и всемогуществом, Творец неба и земли, Промыслитель Вселенной, начало изначальное, вечное, духовное и плотное. Общеславянское слово, первоначально связанное с представлениями о благе, богатстве, а также о персонаже, наделяющем благом, богатством» [12, с. 54-55].

В русском языке пройден довольно длительный путь эволюционирования семантики лексемы *Бог*. И нам интересно было бы не только проследить её развитие, но и определить смысловые компоненты концепта *БОГ* в отдельно взятый период, период правления царя Алексея Михайловича, поскольку представление о Боге в разное время имеет несходство, а суждение о нём как Творце – это, несомненно, принципиальное суждение о мире. Ибо «Бог живёт в вечности, и эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности» [14, с. 82].

По словам Григория Богослова, «для начинающего всякое слово и длго са-

мый лучший порядокъ – и начинать Богомъ, и оканчивать Богомъ» [4, с. 81]. Невозможно не согласиться с данным изречением, ибо при обращении к Всевышнему, нашему Создателю, управляющему миром, с просьбой любое начинание будет под покровом Божией власти, или благодати, и принесёт положительные результаты, особенно если при обращении к Богу прочтём молитву. Наш Спаситель воспринимает наше к нему обращение (молитву), благодаря чему впоследствии и помогает, и спасает, и наставляет на путь истины, однако этот путь определяется для каждого из нас индивидуально, ибо отвечаем за свои поступки перед ним, Творцом и Создателем нашим.

По толковому словарю современного русского языка, *Бог* по религиозным верованиям: «*Рел.* Верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им» [16, с. 80].

Для православия важно: «Причём каждое Божеское лицо заключает в себе два других: 1. Бог-Отец является одновременно и Сыном и Духом Святым, а Бог-Сын — одновременно и Отцом и Духом Святым, точно так же, как Дух Святой — одновременно и Отцом и Сыном, Каждое лицо есть иное проявление каждого другого и обоих вместе. Следовательно, Бог есть единая сущность о трёх ипостасях. Не три сущности, но одна; не одна ипостась, но три. Однако при всём том, ипостась и сущность – одно и то же» [17, с. 49, 595]. 2. Одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-либо, чему-либо (обычно какому-либо роду

деятельности). *Языческие боги*. 3. О человеке могущественном, наделённом властью над другими людьми. *Я бог, я червь, я раб, я царь* (Державин). 4. О предмете поклонения, восхищения (обычно одарённом человеке, гении). *Бог поэзии, музыки* [16, с. 80].

Концепт БОГ в сочинении Г. Котошихина представлен словом *Бог* в 15 употреблениях, что говорит о высокой ценности транслируемого содержания. Данная единица используется автором в христианском смысле, будучи ядерным компонентом содержания концепта, в одном лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) – первичном, который мы и рассмотрим. По всей видимости, автор был очень набожным человеком, ибо при написании сочинения делового характера использовал православную религиозную лексику. Возможно, кроме задачи объяснить, как верует русский народ и чем руководствуется он в своей духовной жизни, автор имел другие прагматические установки: хотел представить религиозно-нравственные высокие основы мировоззрение царя Российского государства, поскольку служил при Алексее Михайловиче вначале писцом, а затем подьячим и знал, что последний, находясь на престоле, глубоко верил в то, что его служение государству подобно суровому служению церкви, и понимал всю ответственность за судьбу доверенного ему царства, прежде всего, перед Создателем. По мнению В.О. Ключевского, царь Алексей Михайлович «был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твёрдо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство Древней Руси. ... Эта набожность оказывала могуще-

ственное влияние на государственные понятия и на житейские отношения царя» [6, с. 109-110].

Репрезентантом данного содержания, важнейшего в русской картине мира в период, описанный Г. Котошихиным в «Сочинении...», служит данный ЛСВ, который представлен в контексте *а которой человек, не боясь Бога и указу царского послушався ...* Он репрезентирует ядерные семы 'нарушать заповеди', 'безрассудно', 'необдуманно', которые помогают передать характеристику богопротивных поступков: 'поступает подло, непорядочно, не имеет, не знает страха перед Творцом мира сего', 'нет богобоязненности, божьего страха как устава жизни христианина'. Не случайно Григорий Богослов пишет, что «Богъ по благодати своей вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на него уповает и в нем полагает все надежды» [4, с. 81]. И с этим трудно не согласиться, ибо Господь вершит свою волю и одаряет того, кто живёт в вере и послушании и соблюдает заповеди мирские. «Божественные действия в человеке часто именуются благодатью Святого Духа» [1].

В контексте ЛСВ «Благодарение судьбы, что так случилось» [13, с. 74] и *учинили коронование (царя) в соборной болюй первой церкви и молили Бога* при соответствующем взаимоотношении субъектов представляет смысловое содержание 'обращение к Творцу с просьбой о милости к вошедшему на престол человеку, царю, о его добром руководстве и управлении при обладании властью'; а возможно, и имплицитное выражение 'благодарность за этого человека'. По мнению В.И. Карасика, «номинативное поле религиозного общения включает множество

участников, при этом существенным является признак принадлежности к церкви» [5, с. 222].

И потом царь благословляется же, и отец и мать дают благословение словом: «благослови Бог!» – содержание ЛСВ в данном контексте указывает на 'обращение к Создателю рода человеческого с просьбой об оказании Божией помощи, защиты, милости, а также о преподании благодати господней'. При наличии в контексте обращения к Господу «благослови Бог», «дай Бог» данные синтагмы приобретают, на наш взгляд, значение того, что для человека окружающий мир непонятен и сложен, что со временем он, с одной стороны, вызывает некую зависимость, беспомощность и страх в том, чтобы не прогневать Господа, а с другой стороны, – любовь к Богу, желание служить ему и привлечь к себе его милость. В.И. Карасик отметил как яркое свойство русской ментальности то, что «характерной особенностью дискурса в христианстве является максимальное понижение собственного индивидуального статуса человека, который себя должен именовать 'раб божий' и 'грешник', при этом важным является обращение к Богу» [5, с. 222]. Это свойство проявляет сему 'недостижимости' в значении центрального ЛСВ слова *Бог* как наименования Высшей Силы.

В контексте *молили Бога о царском и о царевнине и о сочетании законного брака* рассматриваемый ЛСВ используется для реализации смысла 'Бог как соединяющая в одно целое Высшая сила', возможно, имплицитное содержание 'прошение Творца о соединении двух сердец в единое целое' посредством таких сем, как 'обращение', 'прошение', 'моление'.

В контекстах *дают денги, что они за их государское здоровье молили **Бога**; посылают столников и стряпчих и жилищов с царскими грамотами, чтоб они **Бога** молили за государские здорovia ...; и во всех церквах **Бога** молиши о здорovia его царском и о царевнине указанный выше* ЛСВ транслирует смысло-толкование 'обращение, просьба к высшей силе с мольбой о здорovia тела и силе души', которое восходит, безусловно, к религиозным концепциям представления Бога в соответствующем фрагменте концептосферы нации. См. далее: *как бывает празновати ... день рождения царского ... и того дни у царя на патриарха ... бывают столы ... и после стола патриарх моля **Бога** говорит речь заздравную* – возможно, имплицитное значение 'благодарение Бога за оказанную честь'.

В представлении восточных славян Древней Руси Всевышний олицетворял собой совершенство добра, красоты и истины. Данное осмысление Бога как Совершенства и Богочеловека, в связи с наделением признаком красоты, получает реализацию в контексте *как от Всемогущаго **Бога** вдано человеком совокуплятися и плод творити* посредством соответствующих сем: 'величие', 'могущество', 'сила', 'участие', 'покровительство', смысло-содержательный аспект – 'высшая сила Божия состоит в его всевеличии, в возможности людям соединяться в одно целое и впоследствии может даровать им продолжение рода человеческого'. На наш взгляд, в представленном контексте заслуживает особого внимания то, что в религиозном дискурсе субъект наделяет Бога человеческими чертами и качествами, которые отражаются с помощью средств предикации *вдано*,

совокуплятися, творити, весьма убедительным доказательством служат религиозные представления о том, что Господь создаёт человека по своему образу и подобию.

При дальнейшем рассмотрении объёма концепта БОГ в сочинении Г. Котошихина мы наблюдаем, что в тексте, в зависимости от характера описываемых событий, т. е. происходящего, либо фиксируемой обстановки, использован предикат *подаровал*, вследствие чего меняется контекстуальное содержание ЛСВ «о прибавлении в семье» слова *Бог* в контексте: *и пошлет царь к патриарху с ведомостью, что подаровал ему **Бог** царевича*, семы 'одарение', 'благодетель', 'сила', 'возможность', 'способность', 'природное начало' и передаёт смысл 'Господь единственная и абсолютно недостижимая вершина, он стоит над всеми, творит мир и дарует жизнь'; см. далее: *молили **Бога** ... и за новорожденнаго царевича* – ЛСВ представляет смысло-содержательную сторону 'моление в благодарность за дарование появившегося на свет младенца, в данном случае царского', ибо рассматриваемый контекст напоминает об одном из основных сильнейших инстинктов человеческого сознания и понимания, заложенных в субъекте изначально (см. выше).

Царь Алексей Михайлович во времена правления понимал всю ответственность перед Господом за судьбу своего царства и при каждом удобном случае обращался за помощью к Богу, благодаря духовной подготовке к обряду венчания на царство приняв, видимо, в соответствии с мировоззрением православного богобоязненного человека то, что сам Бог возложил на царя

этот сан. Историки и мастера художественного слова стремятся подчеркнуть религиозность царя – первого в династии Романовых: «Алексей Михайлович, пройдя на своё постоянное место, сейчас же стал класть земные поклоны и долго потом стоял на коленях на небольшой поклонной колодочке ... Никогда никакое утомление или разнообразие дневных впечатлений не мешали ему проводить, перед отходом ко сну, около часу в Крестовой» [19, с. 37]. Более того, на наш взгляд, царь фактически стремился построить свою жизнь по тем образцам, о которых свидетельствовали жития святых угодников, понимая при этом всю возложенную на него ответственность, ибо «он неустанно и благоговейно слушал молитвы и чтение Златоуста – сборника учительных слов, расположенных по дням года [19, с. 37]. ЛСВ «дать клятву, присягнуть» [15, с. 258] в контексте: *царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку* репрезентирует семы 'богоглаголивый', 'уверение', 'клятва', 'обязательство', 'обет', 'обещание' и представляет смысловую составляющую 'убедительно уверять / обещать что-либо выполнить', 'давать клятву исполнить свой долг', возможно, имплицитный смысл 'помочь или оказать содействие кому-либо'. Иисус Христос изрёк такие слова: «...не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его ... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Матф. 5, 33–37). А я говорю вам: не клянись вовсе ...» [8].

В контексте к *цесарскому величеству Римскому*: «Милосердия ради милости **Бога** нашего, во еже посети нас восток

свыше, и направити ноги наша на путь мирен, сего убо Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы великий государь царь ЛСВ реализует такое смысло-содержание, как 'просьба, обращение к иноземцам ради Бога истинного прийти мирным путём, чтобы в дальнейшем поблагодарить за это Всевышнего', представлено эксплицитное содержание 'свой – чужой'. Нельзя не согласиться с тем, что «антропоцентричность семантики данного контекста не вызывает сомнений и говорит о приоритете человеческого над божественным» [18]; см. далее в контексте *а ежели они через его заклинание учнут на Крым ходити войною, и им в войне не даст Бог по-иску* ЛСВ репрезентирует смысловую форму 'при попытке навредить / нанести ущерб государству / пойти войной на него помощи Господней не будет и, как следствие, успехов', 'не осуществится задуманное даже при обращении к Всевышнему', 'бессмысленность обращения к Богу при неправом деле'. Более того, Создатель помогает только людям, творящим добрые дела. «А зло, по Божиим законам, уничтожает и себя и грешника. Убьет грешника зло (Пс. 33: 22). Зло увлечет притеснителя в погибель (Пс. 139: 12)» [8].

В рассмотренном контексте Бог является / предстаёт перед нами как источник / мерило справедливости по отношению к иродам / злодеям. Не случайно Карасик заметил, что в «номинативное поле рассматриваемого религиозного общения включено множество участников, при этом очень существенным является признак принадлежности к церкви: свой – чужой» [5, с. 222].

ЛСВ в контексте: *и великий государь наш, его царское величество, на своих*

преславных и великих государств Российской царствия, дал Бог в добром здравье представляет смыслодержательное поле 'физическое и психическое благополучие по воле Создателя', ибо только с Божией помощью, Божией милостью, христианин направляет свою жизнь в сторону добродетели, света и веры. См. далее коннотативный компонент «выражение радости, удовлетворения» в контексте *а когда Всемогущий Бог королевскому величеству помог*, который репрезентирует идею 'подлинное служение Господу приводит к содействию Творца, оказанию помощи имущим, его неисчерпаемой силе, не имеющей никаких ограничений, его участию, приносящему и благо, и облегчение, вследствие чего и получен желаемый результат, в дальнейшем возможны хорошие, положительные последствия'.

Зависимость окраски слова *Бог*, например, при помощи прилагательного-определения *Всемогущий*, обозначается весьма ярко и экспрессивно в контекстах: *а когда Всемогущий Бог королевскому величеству помог; как от Всемогущаго Бога вдано человеком совокуплятися и плод творити* что говорит о силе и могуществе этого существа, управляющего миром. «Если Бог живёт в вечности, эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности» [14, с. 82]. По мнению Н.В. Писарь, «концепт БОГ имеет сложное и многослойное строение, поскольку как явление культуры содержит в себе не только семантическую составляющую, но и окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. И одновременно он является своеобразным кирпичиком в

строительстве когнитивной картины мира» [9, с. 9].

С учётом изложенного можно констатировать, что в сочинении Г. Котошихина такие ЛСВ слова *Бог*, как «Одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-либо, чему-либо»; «О человеке могущественном, наделённом властью над другими людьми» и «О предмете поклонения, восхищения», не используются, поскольку это более поздние значения, характерные для формирования светского мышления» [16, с. 80].

Таким образом, при рассмотрении лингвокультурологического концепта БОГ мы пришли к выводу, что на первый взгляд он обозначает субъект в сфере Высших Сил, который, благодаря предикатам, помогает, спасает, наставляет, обладает, воспринимает, мыслит, чувствует, создаёт, одаряет, наказывает, вершит, а затем и ту содержательную оболочку, в которой происходит интерпретация представленного концепта, ибо Бог верховное всемогущее существо, управляющее миром, обладающее даром речи, вершащее свою волю. Он предстаёт перед нами как предмет поклонения и обожания. Кроме того, при осмыслении той или иной ситуации, наблюдении характера языковых отношений между разными представителями или слоями общества эпохи правления Алексея Михайловича мы пришли к выводу, что и семы как сегменты ёмкого культурно значимого и исторически осмысляемого содержания, и смыслодержательная форма ЛСВ, в которой рассмотрен пласт концепта БОГ «Высшая сила», имеют диалектику развития; они отличаются и идеологически, и эстетич-

чески, и экспрессивно, и по сферам употребления, а также по своему семантическому наполнению, или объёму. Однако во всех рассмотренных контекстах Бог – предмет поклонения и обожания, и христианин должен ему подлинно служить. Более того, в контекст сочинения, благодаря семантике предикатов при слове, Бог осмысливается как идеальная сущность, Высшая сила, дающая опору, центр духовной жизни православного государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru> (Дата обращения: 30.09.2015).
2. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Том 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 21.
3. Войлова К.А., Леденёва В.В. История русского литературного языка. М.: Дрофа, 2009. 496 с.
4. Григорий Богослов. Творения иже во святыхъ отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольскаго. Часть первая. М.: В типографии Августа Семёна при Императорской медико-хирургической Академии. 1843. С. 81.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 91, 222.
6. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и прим. В.Л. Александрова. М.: Правда. 1996. С. 109-110.
7. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. С.-Петербург: Издание Археографической комиссии, 1884. 272 с.
8. О необходимости добрых дел [Электронный ресурс]. URL: <http://blagovest.al.lg.ua/9701/01.html> (Дата обращения 22.09.2015).
9. Писарь Н.В. Дихотомия «Бог – дьявол» в древнерусской языковой картине мира: автореф. дис. канд. филол. наук. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2011. С. 9.
10. Рупосова Л.П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «Русская филология». 2012. № 1. С. 51-56.
11. Святитель Иоанн Златоуст. О вере, надежде и любви. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2009. С. 20.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 54-55.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Под ред. Бархударова С.Г. Выпуск 2 (Безпристрастный – Вейэр). Ленинград: Наука, 1975. С. 74.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 82.
15. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправл. и знач доп., издание, под ред. проф. И.А. Бодуэна-Де-Куртенэ. Том 1. А – З. С.-Петербург: Типография «Поставщиков Двора Его Императорского величества товарищества М.О. Вольфъ, 1903. С. 258.
16. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Складневской. М.: АСТ», 2001. С. 80.
17. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Приложение к журналу вопросы философии. Том 1. М.: Правда. 1990. С. 49, 595.
18. Французский мир и языковая личность [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskiy-mir-i-yazykovaya-lichnost> (Дата обращения 23.09.2015).
19. Шильдкрет К.Г. Гораздо тихий государь // Исторический роман. Романовы. Династия Романовых. Алексей Михайлович 1629 – 1676. М.: Армада. 1994. С. 37.